

Дозор
навсегда

Александр Бачило
Людмила и Александр Белаш
Николай Горнов
Олег Дивов
Дарья Зарубина
Юлия Зонис
Леонид Каганов
Алекс де Клемешье
Олег Кожин
Евгений Лукин
Сергей Лукьяненко
Алексей Молокин
Юлия Остапенко
Наталья Резанова
Михаил Тырин
Максим Черепанов

Дозор навсегда

Лучшая фантастика 2018

**Составитель
Андрей Синицын**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д62

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Составитель — *Андрей Синицын*

Оформление обложки — *Александр Шпаков*

Д62 **Дозор** навсегда. Лучшая фантастика — 2018 : [фантастические повести, рассказы] / сост. Андрей Синицын. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-17-106411-2

Новая коллекция увлекательных и злободневных историй от лучших представителей жанра. Среди авторов сборника — признанные мастера и представители нового поколения фантастов. Фэнтези, мистика, киберпанк, постапокалипсис и альтернативная история — весь спектр и на любой вкус. Многочисленных поклонников жанра традиционно порадует новый рассказ Сергея Лукьяненко — ироничный и весьма актуальный. Фантастика и жизнь, как всегда, неразрывно связаны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106411-2

© А.Т. Синицын, составление, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Евгений Лукин

МОЙ РАЗГОВОР С ДЬЯВОЛОМ

— **Н**е делайте этого...
Я поднял глаза от налоговой декларации и огляделся. Комната была пуста. Впору предположить, что усталый мужской голос возник в замороченной моей голове сам собою, но, во-первых, такого со мной не случилось ещё ни разу, а во-вторых, я точно мог указать, откуда именно он раздался. Из кресла в углу.

— Стоит ли?.. — проникновенно добавил голос.

Я встал из-за стола и, подойдя к креслу, внимательно его осмотрел. Ничего похожего на видеокамеру с динамиком обнаружить не удалось.

— Ну, люди... — процедил я и вернулся за стол.

По дороге мысленно перебрал знакомых. В подозреваемые из них не годился никто: у одних плохо с деньгами, у других — с фантазией. Кроме того, начинить кресло электроникой — это ж ещё и в квартиру проникнуть нужно!

— Люди?.. — озадаченно переспросили вслед. — Почему люди?

— А кто? — волей-неволей пришлось вступить в беседу. — Инопланетяне?.. Валька, ты, что ли, прикальваешься?

— Может, мне вам показаться? — Такое чувство, будто голос был слегка позабавлен моим поведением.

— Сделайте одолжение!

— В каком виде?

— В каком есть, в таком и покажитесь.

В углу хмыкнули.

— Нет. В каком есть — это я вам всю мебель пожгу.
Давайте-ка так...

В кресле возник неброско одетый мужчина без особых примет.

Я сглотнул. Потом покосился на окно. За стеклом пушило февральским снежком двадцать первое столетие. Наизобретали хренотени...

Встал и, снова подойдя к креслу, ткнул голограмму пальцем, заранее уверенный, что сопротивления тот не встретит.

Палец упёрся в живую плоть.

Опаньки! Стало быть, не врали по ящику, что вот-вот телепортацию освоят. Стало быть, и впрямь освоили... Нетвёрдым шагом я приблизился к бару и, ошалело оглянувшись, наполнил рюмку. Выпил единым духом. Налил вторую.

— Тогда уж и мне заодно... — услышал я.

Руки подрагивали. Тем не менее с грехом пополам просьбу удалось выполнить. Вручил рюмку, чокнулся машинально.

— Что вам надо? — хрипло спросил я.

Незнакомец огорчился.

— Ох уж эта современная психология! — посетовал он. — И не спросит ведь даже: кто такой? Сразу к делу: что надо? Ну хорошо! Мне надо, чтобы вы указали в налоговой декларации настоящую сумму ваших доходов...

Дрожи — как не бывало.

— А-а... — понимающе протянул я. — Вон вы откуда...

Он фыркнул и залпом проглотил свой коньяк. До ответа не снизошёл.

— Ладно! — сказал я. — Кто вы?

— Допустим, дьявол, — внятно выговорил он, не сводя с меня утомлённого взгляда.

— Допустим! — принял я вызов. — А я вас приглашал?

— Нет.

— А чего ж тогда?

Он пожал плечами:

— Сам...

— Душа понадобилась?

— Нет... — Он поморщился.

— То есть как это нет? — возмутился я. — Душа, что ли, плохая?

Назвавшийся дьяволом пристально взглянул мне в глаза.

— Ну почему же... — чуть помедлив, ответил он. — Душа как душа...

— Так, — решительно проговорил я, пододвигая сервировочный столик и ещё одно кресло. Сел напротив, уставился в упор.

— Что надо? — повторил я с угрозой.

— Я же сказал уже: укажите в декларации настоящую сумму доходов...

— И что я с этого буду иметь?

— Ничего, — безразлично обронил он.

— Н-ни фигу с-се... Почему?

— А сами подумайте! Я вас, по сути, сманиваю на доброе дело. Но если за дело платят, то какое же оно доброе? Сказано: получают уже они награду свою... Писание читали?

— Минутку! — потребовал я. — Вы — дьявол?

— Дьявол.

— Вам-то какая выгода в добром деле?

— Прямая.

— Поясните!

Он повертел в пальцах пустую коньячную рюмку.

— Скажите... — задумчиво начал он. — Вам нравится этот мир?

— В смысле?

— Н-ну... там... весна, травка... яблони цветут на даче...
Нравится?

— Д-да... А к чему вы...

— Вам ведь не хотелось бы всё это потерять?

— Это что, угроза?

— Угроза. — Он кивнул. — Понимаете, чаша мировых грехов, можно сказать, полна. Ну сами видите... достаточно телевизор включить... Как только чаша переполнится — Страшный Суд. То есть конец света. Травке конец, даче, яблонькам... Скажите, оно вам надо?

Я прикинул.

— Пожалуй... н-нет. А вам?

— Вот и мне не надо. Так что не кобеньтесь, укажите настоящую сумму. Одним грехом меньше...

— Да что за детский сад! — взорвался я. — Даже если укажу! Я что, один декларацию заполняю? А остальные?

— С остальными тоже сейчас работают.

— Кто?

— Я.

— О ч-чёрт!..

Поднялся, сходил за пепельницей. Достал сигареты.

— С куревом ещё не боретесь? — ядовито осведомился я, присаживаясь вновь.

— Нет, — буркнул он.

— Тогда закуривайте.

— Спасибо, надыхался! У нас там, знаете ли, и так дымно...

— Ну как хотите... — Я закурил. — Так это что же? Пока чаша грехов не переполнится, конца света не будет?

— Естественно...

— И вам поэтому выгодно, чтобы люди жили по законам?

— Вот именно!

— А им? — Я указал тлеющей сигаретой в потолок. — Наоборот?

— В общем... да.

— То есть если ко мне вдруг заявится ангел, попросит скрыть часть доходов...

— Гоните в шею!

— Ангела-то?

— Имеете полное право. Ему там за такие проделки все перья пооборвут!

— Ну вы даёте!.. Значит, ангелам творить зло нельзя, а вам добро — можно?

— Ну я же только что объяснял! Если добро выгодно, то какое ж оно, к чёрту, добро?

Я попытался собраться с мыслями и долго гасил сигарету. Наконец спросил:

— А вы сейчас нарушению какой заповеди препятствуете?

— Не лжесвидетельствуй. Сами, что ль, не знаете?

— А остальные заповеди? Скажем, не убий! В Сирии-то сейчас вон что творится! Да и в Донбассе тоже...

— Н-ну... с Сирией тоже разругать пытаемся...

— А не укради? Не прелюбодействуй?

— Послушайте, не уводите разговор в сторону, — одёрнул он. — Вы обозначите в декларации истинную сумму ваших доходов?

— М-м... постараюсь... — сделав над собой усилие, выдавил я.

— Постарайтесь! — С этими словами он исчез.

Некоторое время я тупо смотрел на две пустые рюмки. Что это было? Хотя какая разница! Схватил сотовый телефон.

— Валёк? Привет! Слушай, ты налоговую декларацию заполнил?

— Д-да... а что? — отозвался тот.

— К тебе не приходили?

Долгая пауза.

— В смысле?.. — Голос Валька дрогнул.

— Ну там... не знаю... попросить, чтобы доходы не скрывал...

— Эм... а-а... Что-то связь плохая! — И Валёк стремительно отключился.

Та-ак... Стало быть, приходили. Стало быть, и впрямь не ко мне одному... Взгляд мой остановился на заполненной наполовину декларации. Интересно, как поступят остальные? Ох, не оказаться бы лохом...

*Волгоград,
январь 2017*

Дарья Зарубина

ПЕПЕЛ И ПАР

— Однако погодка, мистер Фергюс, — сказал молодой человек в твидовом пальто, чуть закопченном с правого бока, и клетчатом кепи. Колокольчик над дверью, возвестивший о его приходе, еще покачивался на пружине. Он один, казалось, был живым в часовой мастерской Фергюса, где также располагался и ломбард Штосса. Впрочем, несмотря на два имени на медной вывеске над входом, в обеих конторах уже третий год единолично хозяйничал мистер Фергюс. Харольд Штосс покинул грешный мир двадцать восемь месяцев назад в разгар эпидемии полиомиелита, но у его компаньона все никак не доходили руки заказать новую табличку.

— Доброго дня, мистер, — бесцветным голосом проговорил Фергюс, не поднимая головы от своего занятия. Часовщик сидел, сгорбившись, у стола, над которым горела выкрученная на полную — что за неприличная для такой скромной конторы расточительность?! — газовая лампа. Под лампой на зеленом сукне лежали часы, которые и разглядывал Фергюс, замерев в своей хищной птичьей позе. Левый глаз он сощурил, а на правый опустил с медного обруча на лбу сразу три разновеликие линзы.

— Я дам тебе восемь долларов, Пит, — заявил он наконец. — И еще четыре доллара, если сумею продать до конца месяца.

— Позвольте... — проговорил молодой посетитель. В его голосе послышались сердитые нотки. Но договорить

он не успел. В углу раздался скрипучий кашель. То, что гость часовой мастерской принял по невнимательности за брошенное в кресло старое пальто, пришло в движение.

— Эти часы стоят больше двух сотен, Фергюс. Добавь-ка еще линзу к тем, что висят у тебя на глазу, — и, может быть, сумеешь разглядеть свою совесть. Я без очков ее уж и не вижу.

Из-за поднятого воротника пальто показался длинный нос и один глаз, слезящийся и красный. Старик выбрался из кресла и, шаркая ботинками, подошел к часовщику. Положил узловатую руку на часы.

— Я лучше продам их Картеру за одиннадцать. Он хотя бы будет носить их в жилетном кармане и форсить перед дамочками, а не бросит пылиться в ящик со скрепками.

Старик, не обращая внимания на слабый протест часовщика, сгреб корявой пятерней со стола часы и пошаркал к двери, ловко ухватив с вешалки у входа запыленный потертый цилиндр.

— Что вы хотели, господин? Часики починить? — обратился Фергюс к посетителю, который словно завороченный смотрел в спину старику.

— Извините... Стойте. Мистер... Питер. Я хотел бы посмотреть ваши часы...

Старик обернулся. Его взгляд неожиданно сделался ясным. В нем сверкал сарказм. Он оглядел молодого человека с головы до ног и, что-то решив для себя, продолжил путь.

— Старый Пит! — окликнул его Фергюс громко. — Этот господин хочет купить у тебя часы! Это, в конце концов, невежливо!

— Невежливо обнадеживать старика и заставлять тащиться через всю мастерскую, не собираясь ничего покупать. У этого франта нет и десятки. Он пришел не покупать, а закладывать, так что не тратьте на него вежливость, Фергюс.

— Позвольте... — задохнулся от возмущения посетитель, но плечи его поникли. Старик усмехнулся, поняв, что угадал.

— Эти часы стоят две сотни. Я сделал их сам. Вот этими руками. — Он поднял вверх свои узловатые клешни, в одной из которых был зажат блестящий серебром брегет. — Вы говорите, Фергюс, мои часы не особенно красивы? Зато они прочны. Смерть затупит свою косу об этот корпус.

Он размахнулся и, не успели ни часовщик, ни его клиент вскрикнуть, швырнул часы об пол. Брегет, прыгая по паркету, закатился под кресло, но неугомонный старик настиг его и придавил ботинком.

Мистер Фергюс смотрел на его ногу с выражением почти физического страдания: ведь мог дать старику пятнадцать долларов и выгадать верную сотню при продаже часов.

Старикашка убрал ботинок, с торжествующим смешком вынул из подставки забытую кем-то трость и ударил по брегету ее тяжелым набалдашником.

— Ну?! — Он хихикнул, нагибаясь за часами, но тотчас зашелся кашлем. — Це... Целё... Кхе... Целёкхекхе...

Прикрывая рот не особенно свежим платком, старик протянул брегет изумленному зрителю его маленького спектакля. Тот повертел часы в руке, не веря собственным глазам, открыл крышку, поднес вещицу к уху.

— Послушайте, мистер Пит, это... невероятно. Какая прочность!

— Пит? — рассмеялся старик, глянув на молодого человека с королевским достоинством. — Питер Эндрюс, к вашим услугам.

— Простите, мистер Эндрюс, — стушевался он. — Я Уайт. Генри Уайт. Мас...

— Мальчик из мастерской Уайта? — перебил его старик. — Тогда все становится на свои места. Значит, вы снова разбились, мой юный друг?

— Откуда?.. — пораженно прижал руку к груди Уайт.

— Ваш отец просадил целое состояние, пытаясь построить скоростной паромобиль, хотя в свое время был неплохим конструктором паробусов. Хорошая модель топки, котел на четыре лошади. Очень неплохо для всех этих работяг, что бредут с работы, едва переставляя ноги. Но Билли Уайт отчего-то помешался на скорости. Видимо, это наследственное. Вы в пальто, значит, пришли пешком, причем, судя по копоту на плече и локте, шли близко к проезжей части со стороны Девятой авеню — рассматривали чужие паромобили. Из чего делаю вывод, что свой паровой экипаж вы разбили. Причем совсем недавно. У вас из-под манжеты виден бинт на запястье, а это смешное кепи не может скрыть рассеченную кожу надо лбом.

— Питер Эндрюс? — Молодой человек протянул старику часы, бросив взгляд на край бинта на руке, рассмеялся звонким смехом человека, уверенного, что все в жизни складывается к лучшему, а невзгоды лишь направляют нас на правильный путь. — А может — мистер Шерлок Холмс? Перебрались в Штаты?

Молодой человек искренне веселился, поэтому не заметил, как напряглись плечи часовщика, приготовившегося к сцене.

— Вы дурак, Уайт! — рявкнул Эндрюс, отворачиваясь.

Колокольчик звякнул, впуская нового посетителя. Точнее, посетительницу. Пожилая дама в вишневом платье бережно держала затянутой в черную ажурную перчатку рукой под животик маленького мопсика, дрожащего всем телом так, что трепетало пышное страусовое перо на шляпке хозяйки.

— Доброго дня, мистер Фергюс! — проговорила она сочным глубоким контральто. — Как нынче ветрено. Вероятно, будет гроза. Я могу забрать свои часы?

— Холмс! — воскликнул старикашка, обнаружив нового зрителя. Он манерно повел рукой, словно обращаясь к полному залу. — Он припечатал меня Холмсом, леди! Кто такой этот ваш Холмс?! Персонаж! Выдумка! А я — я тот самый Питер Эндрюс! Лонг-Пит! Тот самый Лонг-Пит!

Молодой Уайт, краснея от стыда, собрался пуститься в извинения, но часовщик потянул его за рукав пальто и прошептал:

— Он твердит это всем и каждому добрых шесть лет, молодой человек. Сумасшедший старик с часами. Кто ведает, где он их достает. Крадет, наверное.

— На вашем месте я не произносила бы вслух имя этого ужасного человека, — сказала дама, гневно глядя на старика. — Имя Питера Эндрюса оскорбляет слух порядочного человека.

— И как вы заставите меня замолчать, песья матрона? — оскалился старик. — Питер Эндрюс — это я, и не стыжусь своего имени. Я тот самый Эндрюс!

— Если вы тот самый Эндрюс, мистер, — прошипела дама; собачка заскулила и сунула острый нос ей под мышку, — то я, мать капитана аэростата «Виргиния» Рудольфа Скотта-Фишера, проклиная вас.

— Бедолага беден и одинок, — продолжал торопливо шептать на ухо Уайту часовщик, в то время как старик, скаля щербатый рот и приплясывая с криком: «В гробу! В гробу я видал вас всех и ваши рафинированные проклятья. Пар и пыль!», дергал даму за ленты на шляпке, а мопса — за тощий хвостик. — Вот и пытается привлечь к себе внимание. Будь он тот самый Питер Эндрюс, едва ли довел бы себя до такого плачевного состояния. Скорее всего фамилия его и правда Эндрюс, а имя... может, действительно Питер. Но тот самый... Вот что, Генри. — Фергюс придвинулся ближе к молодому человеку и прошептал: — Я дам старику десятку за его часы и еще